

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Подъ редакцію Предсѣдателя Этнографического Отдѣленія

В. И. Ламанского

и Секретаря Отдѣленія Н. Н. Виноградова

Выпускъ IV

Годъ XVII

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко), Фонтанка, 117.
1909.

Якуты въ ихъ домашней обстановкѣ.

(Этнографический очеркъ).

В. Ф. Трощанскаго¹⁾.

(Окончаніе).

II.

Чтобы познакомить читателя съ якутской юртой, я предпою разсказать, какъ она строится, такъ какъ при обыкновенномъ описаніи, можно, пожалуй, наговорить вздору, какъ это и случилось съ однимъ ученымъ изслѣдователемъ Якутской области, у которого юрта врылась какъ-то угломъ въ землю²⁾.

При выборѣ мѣста для постройки юрты стараются, чтобы оно имѣло наклонъ на востокъ или на югъ, такъ какъ это счастливый наклонъ, а наклонъ на сѣверъ и западъ—несчастливый. Я уже говорилъ, что двери обыкновенно выходятъ на востокъ, а потому каждая изъ стѣнъ обращена къ какой-либо одной странѣ свѣта. Приступая къ постройкѣ юрты, вкопываютъ, прежде всего, четыре угловыхъ столба (ба бана=ма бана) толщиною въ 4—6 вершковъ въ диаметрѣ. Сначала вкопывается юго-западный столбъ, который у якутовъ пользуется почетомъ; вкопавъ его, кладутъ на него сверху конскій волосъ изъ гривы—въ видѣ жертвы; столбъ этотъ служитъ мѣстопребываніемъ духа юрты, и на немъ зиждется, по мнѣнію якутовъ, вся прочность жилища; волосъ—жертва самому столбу, чтобы онъ не обвалился ни вообще, ни теперь, во время постройки юрты. Еще

¹⁾ Автора изслѣдованія: „Эволюція черной вѣры (шаманства) у якутовъ“. Казань. 1902.

²⁾ Авторъ имѣлъ въ виду М. С. Врущевича и его сочиненіе: „Обитатели, культура и жизнь въ Якутской области“ (Записки И. Р. Г. Общества по отдѣленію Этнографіи, т. XVII, вып. II. Спб. 1891). Въ свое время г. В. И. помѣстилъ въ „Этнографич. Обозрѣніи“ подробный разборъ этого „сочиненія“ въ противовѣсь незаслуженно-лестному отзыву рецензента „Вѣстника Европы“ (1891, октябрь: Литерат. Обозрѣніе).

и теперь якутскіе плотники рассказываютъ, что очень недавно юрты строились такъ плохо, что тутъ же обваливались. Въ верхнемъ концѣ каждого углового столба вырубается выемка,— такъ, чтобы можно было, сдѣлавъ соответствующій вырѣзъ въ балкѣ, служащей боковой матицей, соединить съверные столбы съ южными попарно и чтобы балка не могла податься на сторону, а для устраненія возможности движенія по длинѣ дѣлаются на ея концахъ еще вырѣзы, которыми она захватывается каждый столбъ съ съверной и южной сторонъ. Затѣмъ, на концы двухъ такимъ образомъ укрѣпленныхъ балокъ, соединяющихъ попарно угловые столбы, кладутся еще двѣ перпендикулярно къ нимъ [сѣб ѿрганѣ или сѣг ѿрганѣ],—тутъ опять дѣлаются надлежащіе вырѣзы для устраненія движенія въ какую-либо сторону. Въ большихъ юртахъ устанавливается и третья балка между этими двумя,—такъ, чтобы она раздѣляла юрту на двѣ части, изъ которыхъ одна, лѣвая отъ входа, будетъ большей; подъ концы этой балки, а также подъ средину остальныхъ ставятся подпорки [туласын]. Чтобы образовать крышу на два ската, прикрепляютъ на каждую изъ балокъ по 3 обрубка, кладя ихъ по длинѣ, причемъ средній значительно толще крайнихъ, которые отстоять отъ наружныхъ стѣнъ и отъ средняго обрубка на равномъ разстояніи, а затѣмъ кладутся поперекъ на эти обрубки 3 матицы [үсүб или сіс мас], и получается такимъ образомъ 4 пролета, заполняющіеся бревнами вершка 2—3 толщиною и аршина въ полтора длиною, плотно прикладываемыми другъ къ другу. Когда поднимаются среднюю матицу, то ее предварительно вымазываютъ масломъ,— тоже жертва; хозяева и рабочіе Ѹдятъ при этомъ саламату [саламат] и сору [суорат]—простоквашу изъ варенаго молока съ масломъ. Крышу затѣмъ обкладываютъ либо мхомъ, либо сѣномъ, а сверху набрасываютъ корыѣ и затѣмъ уже насыпаютъ землю, но все это такъ плохо дѣлается, что крыша обращается во время сильныхъ дождей въ рѣшето. Для того же, чтобы образовать стѣны, выкапываютъ, хотя и не всегда, ровчикъ въ видѣ четырехугольника на разстояніи 6—7 четвертей наружу отъ угловыхъ столбовъ и параллельно соединяющимъ ихъ линіямъ, а затѣмъ ставятъ торчмя бревна такъ, что нижній конецъ помѣщается въ ровчикѣ, а верхній приваливается къ балкамъ, связывающимъ угловые столбы. Такимъ образомъ, получаются во внутрь наклонныя стѣны, въ которыхъ устраиваются окна и двери и также съ наклономъ. Бревна, употребляемыя для крыши и стѣнъ, очищены отъ коры только на

половину по всей длине, и въ юрту выходятъ гладкія стороны, а наружу покрытыя корой. Однако у якутскихъ юртъ большею частью устраиваются только три такихъ стѣны, такъ какъ съ сѣверной стороны пристраивается хотон, который строится такъ же, какъ и юрта, но небрежнѣе и съ бревенъ не снимается кора вовсе,— со стойлами и съ деревяннымъ поломъ изъ мелкихъ кругляковъ, покрытыхъ корой. Полъ—самый неудобный какъ для скота, которому приходится балансирувать по сырымъ круглякамъ, кое-какъ положеннымъ, такъ и для женщинъ, очищающихъ его ежедневно отъ нечистотъ; полъ, къ тому же, представляетъ какъ бы шахматную доску съ квадратиками различной величины, изъ которыхъ, притомъ, нѣкоторые болѣе углублены. Такой видъ получается оттого, что бревна одного квадрата кладутся перпендикулярно къ бревнамъ другого, а это обуславливается тѣмъ, что скотъ стоитъ не по одной линіи, а въ различномъ направленіи. Разумѣется, чистить такой полъ очень трудно, да якутки не особенно хлопочутъ о чистотѣ: выбрасывается изъ хотон'а то, чтд можетъ быть взято на лопату, а остальное остается на мѣстѣ для гніенія и распространенія того отвратительного запаха, о которомъ я говорилъ выше. Чаще всего хотон ничѣмъ не отдѣляется отъ юрты, а если и отдѣляется, то легкой перегородкой, въ которой оставляется отверстіе для прохода скота. Затѣмъ, въ юртѣ устраиваютъ орон'ы [неподвижные лавки] и каминъ. Орон'ы, какъ и въ урасѣ, занимаютъ то мѣсто, которое образуется отъ липіи, соединяющей угловые столбы между собою, до наружной стѣны. Юрты богачей устраиваются нѣсколько иначе и часто безъ хотон'а, но по тому же типу; они рѣдко имѣютъ деревянный полъ, но если и имѣютъ, то еще рѣже якуты его моютъ. Я видѣлъ только у двухъ богачей юрты съ полами и только у одного полъ былъ чистъ, но за то это—едва ли не самый богатый и во всякомъ случаѣ самый влиятельный якутъ во всемъ окружѣ. Постройка битаго камина [сімі осох] начинается съ того, что дѣлаютъ изъ бревенъ или жердей его остовъ, или, точнѣе сказать, облицовку, въ которой устраивается будущее устье, закрываемое временно досками, а затѣмъ нѣсколько якутовъ лѣзутъ на крышу, всыпаютъ въ деревянную облицовку глину и убиваютъ ее длинными жердями; когда работа дойдетъ до половины, вставляютъ гладко обстроганное бревно, сплошное, либо со сквознымъ продольнымъ дупломъ, а затѣмъ обсыпаютъ его вокругъ глиною, которую утрамбовываютъ такимъ же способомъ. Когда работа доведена до конца, то сплошное бревно

осторожно вынимаютъ и получается отверстіе для трубы, а если было вставлено дуплистое, то его не трогаютъ, ибо оно само сгоритъ¹⁾. Каминъ ставятъ въ сѣверо-восточномъ углу юрты, но такъ, чтобы можно было ходить вокругъ него свободно; устье обращено къ юго-западному углу, такъ что лучи камина идутъ по диагонали къ тому столбу, который, какъ я сказалъ, охраняетъ юрту отъ разрушенія. Южный орон юрты около этого столба считается самымъ почетнымъ мѣстомъ,—тутъ на полѣ имѣются въ настоящее время иконы, передъ каждой изъ которыхъ прилѣплена восковая свѣча; одна изъ нихъ обыкновенно зажигается хозяиномъ во время вечерней молитвы,—я не помню, чтобы зажигали во время утренней. У состоятельныхъ якутовъ въ этомъ углу стоитъ крашеный столъ съ разными вычурами; онъ не употребляется для хозяйственныхъ надобностей, да и, какъ мнѣ помнится, онъ выше обыкновенныхъ столовъ; на немъ служатъ молебны, пишутъ, при случаѣ, и—только. Онъ стоитъ обыкновенно на небольшомъ квадратномъ земляномъ возвышеніи, обложенномъ кругомъ деревянными плахами, и похожъ на прежній ихъ очагъ. Я не рѣшаюсь дѣлать сближеній, но обращаю вниманіе на это сходство, особенно знаменательное въ виду значенія углового столба, у основанія котораго устроенъ этотъ очагъ.

Въ каждой юртѣ имѣется свой духъ дома (балацан іччітѣ), который и кочуетъ вмѣстѣ съ хозяевами, такъ что это въ то же время и духъ семьи. Если поселяются двѣ семьи вмѣстѣ, то въ юртѣ живетъ духъ хозяевъ, а если образуется новая семья и переѣзжаетъ въ новую юрту, то для нея создается духомъ земли—новый домовой. Нужно замѣтить, что богъ огня и домовой—отдѣльные существа. Якутская семья, при каждомъ переѣздѣ въ другую юрту, разводить, прежде всего, огонь, принеся углей отъ сосѣдей или добывъ его кресаломъ, затѣмъ варять саламату, которую большуха раскладываетъ по отдѣльнымъ чашкамъ, по числу наличныхъ ртовъ, такъ какъ каждый якутъ—взрослый и ребенокъ—всегда есть одинъ изъ чашки. При этомъ откладывается немного и духу дома въ отдѣльную посудку, которая ставится съ лѣвой стороны камина, т.-е. съ восточной, гдѣ и стоитъ до слѣдующаго дня, когда, затѣмъ, уносится въ хотоп.

¹⁾ У автора описано здѣсь устройство такъ называемаго „битаго камина“ (сімі осох), встрѣчающагося сравнительно рѣдко и обыкновенно у жителей якутовъ; большую частью дѣлается „мазаный камипъ“ (сыбах осох), который местные русскіе называютъ „камелькомъ“ (см. Сирошевскій, стр. 355) Э. П.

и тамъ гдѣ-нибудь оставляется; ему же даютъ еще и соры съ масломъ. Но почему жертва относится въ хотон, гдѣ имѣется специальный духъ, покровитель скота (Нјацы хотун, ханас дїакі)? Ужъ не думаютъ ли якуты отблагаться одной подачкой? Весьма вероятно, такъ какъ они отчаянные скареды. И въ самомъ дѣлѣ, покровительница скота дѣлается такой подарокъ, да и то разъ навсегда: сучать изъ конской гривы веревочку и протягиваютъ ее надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ обыкновенно стоять телята, на нее навѣшивается 9 крошечныхъ берестяныхъ ведерокъ наподобіе тѣхъ, въ которыхъ надаиваются молоко, и 9 такихъ же телячьихъ намордниковъ, которые надѣваются на телятъ, чтобы они не высасывали молока, но могли бы въ то же время щипать траву; въ промежуткахъ навязываются пучки изъ конской гривы. Но, кромѣ этихъ жертвъ, при перѣздѣ въ юрту бросаютъ еще и въ огонь немногого саламаты,—это жертва богу огня. Если въ семье имѣется много дѣтей, то въ огонь вливаютъ еще ложку топленого масла, а если одинъ ребенокъ или дѣтей совсѣмъ нѣтъ, то это масло остается въ экономіи, и принесеніе въ жертву масла откладывается до какого-либо другого случая. Когда я спросилъ, какая связь между количествомъ дѣтей и количествомъ жертвы, то мнѣ отвѣтили, что такъ какъ огонь и никто другой насыщаетъ на дѣтей разныя накожные болѣзни, то многосемейному приходится быть щедрѣе. Не только якуты вѣрятъ въ такое дѣйствіе огня, но даже одна попадья увѣряла меня, что огонь дѣйствительно насыщаетъ струпья, и привела въ доказательство случай съ ребенкомъ ея работника-якута. Ребенокъ покрылся струпьями оттого, по ея словамъ и словамъ якутовъ, что въ огонь нечаянно попалъ кусочекъ лучины, запачканной испражненіемъ ребенка. Такимъ образомъ, нужно тщательно остерегаться, чтобы не нанести какъ-нибудь оскорблія богу огня, который, какъ видно, очень мстителенъ; въ огонь нельзя ни плевать, ни плескать воду, ни тыкать ножомъ или чѣмъ-либо острымъ, чтобы не поранить бога огня.

Когда я пожелалъ узнать, считаются ли якуты бога огня добрымъ или злымъ, то изъ разспросовъ ничего опредѣленного нельзя было вывести: одни признавали его добрымъ, потому что онъ грѣть, свѣтить, варить пищу и т. д., другіе же, и ихъ было большинство, признавали его злымъ духомъ, потому что малѣйшее прикосновеніе его причиняетъ большія несчастія, сжигая строенія, и нестерпимую боль, часто обжигаетъ людей, а въ особенности дѣтей, насыщаетъ болѣзни и т. д. Уяснить связь между огнемъ и струпьями дѣтей можно только слѣдую-

щимъ образомъ: огонь, непосредственно обжигая тѣло, образуетъ струпья, не отличающіеся по наружному виду отъ всѣхъ другихъ струпьевъ; съ другой же стороны—дѣти чаше всего обжигаются, а потому якутъ видѣть, что огонь чаше всего мстить на дѣтяхъ и что они же чаше всего покрываются вообще струпьями, а, слѣдовательно, это тоже месть бога огня.

Всегда ли богъ огня имѣлъ такой двойственный характеръ? На этотъ вопросъ трудно отвѣтить категорически, но слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что персидскій богъ свѣта и добра—Ормуздъ создалъ изъ огня всѣ чистыя существа, что у персовъ огонь—источникъ жизни и души человѣка, что онъ—источникъ нравственной и физической чистоты. У монголовъ сохранилось кое-что изъ этихъ вѣрованій, а у якутовъ изъ нихъ сохранилась только вѣра въ очистительную силу огня, да и то только преимущественно въ сферѣ физической. Такимъ образомъ, въ то время какъ у монголовъ богъ огня сталъ добрымъ богомъ, у якутовъ онъ сохранилъ двойственный характеръ, смотря по тому, обращаютъ ли они вниманіе на его благодѣянія или на вредъ, имъ причиняемый, но всегда разматриваютъ вопросъ съ точки зрењія утилитарной. Замѣчу, что, по понятіямъ монголовъ, „многія болѣзни, особенно наружныя, и пожаръ—слѣдствіе гнѣва Уть“, бога огня (Черная вѣра Банзарова, 24).

Огонь, какъ я сказалъ, играетъ роль силы очистительной, разгоняя всякую нечисть. Люди, отвозившіе покойника на кладбище, очищаются, переступая черезъ огонь,—такимъ же образомъ очищается быкъ, на которомъ возили трупъ, сани и другие инструменты, употреблявшіеся при погребеніи.

Самый чистый и священный огонь—молнія, а потому пожаръ отъ нея не тушится. Она очищаетъ все, на что упадетъ, и дерево, разбитое молніей, считается чистымъ, а зажженныя лучины отъ такого дерева употребляются при обрядѣ очищенія. Въ старину, передъ началомъ неводьбы, шаманъ зажигалъ такую лучину и, стоя на льду среди озера, махалъ ею по всѣмъ направленіямъ, произнося заклинанія; это дѣжалось съ тою цѣлью, чтобы очистить мужчинъ и женщинъ отъ возможной въ нихъ нечисти. Въ настоящее же время, когда шаманы не совершаютъ публичныхъ обрядовъ, всѣ жители той юрты, въ которой недавно былъ покойникъ, и всѣ постытели ея не могутъ до новолуния вступать на ледь озера, пока не кончится неводьба, а стоять, какъ я самъ видѣлъ, на берегу. Новый неводъ очищается при помощи такой же зажженной лучины; ею же размахиваетъ шаманъ, когда онъ, во время падежа конного скота,

камлаеть съ цѣлью прогнать эпидемію. Мясо скотины, убитой громомъ, признается цѣлебнымъ. Огонь, кромѣ того, является посредникомъ между человѣкомъ и другими духами при жертвоприношениі, хотя и не всегда, какъ я сейчасъ же скажу. Хозяйка, принося жертву богинѣ, покровительствующей коровамъ, беретъ глиняный черепокъ или горшокъ, накладываетъ горящихъ угольевъ, относить въ хотон и тамъ на уголья выливаетъ ложку масла. Тутъ огонь является посредникомъ. Но вотъ хозяйка смазываетъ масломъ верхнюю жердь яслей, къ которой привязываютъ телятъ,—это жертва непосредственная, такъ какъ это божество, специально завѣдующее здоровьемъ телятъ, смазываетъ масло; если не принесутъ этой жертвы, то новорожденные телята передохнутъ отъ поноса.

Хозяйка дома есть и главная хранительница очага, покровителя семьи. Только она имѣеть право проходить мимо камина съ передней его стороны,—всѣ же остальные женщины обходить его сзади. Если передъ каминомъ сидѣть или стоять хозяинъ дома или почетный гость, то и хозяйка не проходить между ними и каминомъ, если бы даже мѣсто и позволяло, а обходить ихъ сзади. Во время менструацій женщина не можетъ касаться огня и даже близко подходить къ нему, точно также роженица и бывшая при ней повитуха не могутъ до новолуния входить въ ту часть юрты, которая освѣщается огнемъ камина. Невѣста, вступая въ домъ жениха, бросаетъ въ огонь нѣсколько палочекъ, заранѣе приготовленныхъ, а загѣмъ выливаетъ туда же топленаго масла,—послѣ этого она ужъ членъ семьи. Очевидно, что бросаніе палочекъ — символъ разведенія огня, чтѣ можетъ дѣлать только членъ семейства и чтѣ дѣлаютъ только женщины. У монголовъ вступающій въ члены семьи поклоняется богинѣ огня и приносить ей жертву. То же самое дѣлаютъ въ день свадьбы женихъ и невѣста, въ чёмъ и выражается обрядъ бракосочетанія.

Въ кузницѣ передъ каминомъ врыть такъ называемый стуль для наковальни, и только кузнецъ — хозяинъ можетъ пройти между каминомъ и этимъ стуломъ,—всѣмъ же остальнымъ строго воспрещается.

Вся мебель юрты состоить изъ одного или двухъ столовъ [остуол], чаще круглыхъ, о трехъ ножкахъ, и изъ табуретокъ [олох мас] разной величины. Табуретки слѣланы довольно остроумно. Берутъ 4 таловыхъ прута толщиною въ полвершка и длиною аршина въ полтора; на каждомъ изъ нихъ дѣлаютъ по два вырѣза—такъ, чтобы, если согнуть прутъ, получилась буква П и чтобы можно было вставить въ мѣста изгиба сво-

бодные концы другого такого же П,—концы закругляются и на нихъ дѣлаются заплечики. Такимъ образомъ вставляются другъ въ друга всѣ прутья и получается остовъ скамьи; сидѣнья дѣлаются изъ тонкихъ досочекъ, врѣзанныхъ въ верхнія ребра. Кромѣ этой мебели, имѣется еще сундукъ [цасык=русс. ящикъ], величина которого зависитъ отъ степени зажиточности семьи; въ немъ хранится подъ замкомъ все болѣе или менѣе цѣнное: серебряные браслеты, шелковый головной платокъ, а то и просто какая-нибудь дрянь, которая можетъ имѣть цѣнность только въ глазахъ якутки.

Хозяйственный инвентарь семьи очень несложенъ. Прежде всего и главнѣе всего, въ каждой семье имѣется многое множество берестяной посуды [туос ісіт], въ которой лѣтомъ стоитъ молоко въ подпольѣ дней 5—6 для образования сливокъ или сметаны. Затѣмъ имѣется не мало деревянныхъ чашекъ [кытыја] разной величины для пищи,—онѣ выдалбливаются изъ березы или изъ лиственницы при помощи особаго инструмента. По краямъ чашки вырѣзаны съ наружной стороны незатѣйливыя украшения; чашка обтянута вверху обручикомъ изъ латуни или изъ желтой мѣди; къ обручику придѣланы оловянные привѣски. У зажиточныхъ якутовъ эти чашки—отъ 15 до 20—поставлены въ рядъ на одну полку, и нѣкоторыя изъ нихъ [кытахъ] очень большихъ размѣровъ. Далѣе идутъ горшки [куюсъ], которые якутки сами дѣлаютъ, но не всѣ, потому что не всѣ умѣютъ, подобно тому какъ и чашки выдалбливаются не всѣми якутами,—большинство покупаетъ и ту и другую посуду. Не маловажную роль въ хозяйствѣ якутки играетъ мутовка [ытыкъ]. Это палочка въ аршинъ длиною, на концѣ которой насаженъ небольшой отрѣзокъ полаго рога съ пробуравленными въ нѣсколькихъ мѣстахъ дырками. Такой мутовкой сучать всякую болѣе или менѣе жидкую пищу во время ея приготовленія, мѣшаютъ тѣсто для оладій, сбиваются масло и т. д. Для сбивавія же сливокъ употребляется мутовка [куборчахъ], у которой вместо рога насаженъ деревянный кружокъ съ вырѣзами по радиусу на наружной сторонѣ. Если къ этому прибавить еще деревянные ложки собственного издѣлія, таганъ, сковороду, же лѣзную лопатку для поворачиванія оладій, когда онѣ пекутся, нѣсколько фарфоровыхъ чашекъ съ блюдцами и мѣдный чайникъ, то получится вся посуда якута средняго достатка¹). Затѣмъ нужно упомянуть, что у всѣхъ взрослыхъ членовъ семьи имѣется по ножу [бысахъ], который носится въ ножнахъ за го-

¹⁾ Вся эта посуда носитъ русскія названія.

ленищемъ или на поясъ. У болѣе зажиточнаго якута вы встрѣтите мѣдные котлы [алтан солур] для варки пищи, самоваръ, а у богача нѣсколько самоваровъ разной величины, хорошую и разнообразную чайную посуду, столовую, чаще всего эмалированную металлическую, серебряныя ложки и вилки издѣлія якутскихъ кузнецовъ, разные графинчики, рюмки и даже бокалы, по все это держится подъ замкомъ, такъ что, войдя въ юрту богача, вы ничего не увидите такого, изъ чего бы можно было заключить о степени достатка хозяина. Только по большей или меньшей чистотѣ и просторности юрты отчасти можно судить о достаткѣ; но и то только у болѣе или менѣе тронутыхъ русской культурой. Впрочемъ, самовары всегда на виду и у богачей демонстративно блестятъ.

Но святая святыхъ у зажиточнаго и особенно у богатаго якута — шкатулка, прочно сдѣланная и запирающаяся на замокъ. Въ ней хранится домашній архивъ, состоящій изъ разныхъ черновыхъ прошеній, расписокъ, записей, счетовъ и т. д.; всѣ эти свидѣтельства изворотливости якутскаго ума и безстыдѣйшой эксплуатациіи примѣсью неимовѣрнаго суетливичества доступны только главѣ семейства. Впрочемъ, у какого-нибудь просвещеннаго якута въ этомъ же ящикѣ лежать разныя фотографическія карточки и вдобавокъ въ рамкахъ, — ихъ показываютъ близкимъ знакомымъ и особенно почетнымъ русскимъ гостямъ.

Большинство якутовъ имѣеть только самую необходимую одежду, да и то въ одномъ экземплярѣ. Якутъ никогда не заводить болѣе одной пары бѣлья — ни для себя, ни для членовъ семьи; между прочимъ, женщины лѣтомъ также носятъ дабовые штаны. Бѣлье у якутовъ никогда не моется, а носится, пока не изорвется въ клочья, не допускающіе починки. Только у богачей имѣется 3—4 пары бѣлья, которое изредка моется, но отъ этого мало толку, такъ какъ грязь никогда дочиста не смыывается, да и мудрено смыть ее, если бѣлье носится мѣсяцъ и больше и если почти совсѣмъ не употребляютъ мыла. Якутки уверяютъ, что бѣлье отъ мытья скоро изнашивается, а потому онѣ его не моютъ, но онѣ почти никогда не моютъ и чайную посуду, и обѣденную, — послѣднюю только тщательно вылизываютъ. И бѣда, если якутка вздумаетъ щегольнуть передъ вами чистотой и станетъ мыть посуду, чайную или обѣденную — все равно: она будетъ вытираТЬ ее подоломъ собственной рубахи...

Кое у кого имѣются небольшіе жернова [тас или суоруна]; въ каждой семье имѣются бычы сани [обус сыарбата], на которыхъ возить сѣно и дрова, да еще топоръ (суга) и пешня [анжы], а затѣмъ ничего больше. Сохи и бороны можно найти

только у бояре зажиточныхъ; у послѣднихъ часто имѣется хотя одна лошадь, а, слѣдовательно, сѣдло [ыңыр] и наряды [и арта].

Нужно замѣтить, что якуты любятъ заводить себѣ разную одежду, которая всегда у нихъ хранится въ амбарѣ подъ замкомъ и надѣвается только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ; важно, чтобы всѣ знали, что имѣется много одежды, а носить ее пѣть надобности, тѣмъ бояре, что отъ этого она изнашивается. Особенно якутки любятъ заводить одежду и разнаго рода украшенія, доказывая лишній разъ, что дщери Евы во всѣхъ широтахъ одинаковы,—любопытный предметъ для размышленія. Однако желаніе прельщать сердца не побуждаетъ якутокъ къ чистотѣ, такъ что самая отъявленная щеголиха неимовѣрно грязна. Якуты не любятъ купаться и никогда не моютъ тѣла; единственное, что они усвоили въ этомъ отношеніи,—смачиваніе по утрамъ физіономіи водой, именно—смачиваніе, потому что этотъ процессъ не можетъ быть названъ умываньемъ: мыла не употребляется вовсе, а воды идетъ не бояре чайной чашки, и выходить не умыванье, а равномѣрное размазыванье грязи, причемъ все-таки отъ ушей къ шеѣ образуется бояре густая тѣнь; послѣ такого умыванья нѣкоторые вытираются тряпицею, но что это за тряпица!—грязнѣе грязи; большинство же просто обсушивается у камина. И вотъ такая обсушеннная щеголиха, съ растрепанными волосами, которые причесываются только по какимъ-либо торжественнымъ случаямъ или когда черезчуръ разводятся наскрѣбоя,—съ двѣтнымъ повойникомъ, сбившимся нѣсколько на сторону, или съ грязнымъ платкомъ на головѣ, если она замужняя, и простоволосая, если девица,—съ тяжелыми серебряными серьгами, состоящими изъ большого количества серебряныхъ пластинокъ разной величины,—съ оттянутыми мочеками ушей, съ большой четырехугольной запонкой, застегивающей воротъ грязнейшей рубахи,—съ широкими серебряными браслетами на рукахъ,—стоитъ сбоку камина и меланхолически сучить мутовкой кипящее молоко, испещренное нападавшими угольями. Нужно замѣтить, что у якутскихъ женщинъ замѣчается природная грація въ движеніяхъ и что руки у нихъ красивы и невелики, съ длинными музыкальными пальцами, хотя изъ музыкальныхъ инструментовъ у нихъ имѣется только хомус¹⁾—крошечный желѣзный инструментъ, который

¹⁾ Хомус или хамыс—общераспространенный музыкальный инструментъ, такъ называемый варганъ или кобызъ (кобузъ), „желѣзная лирка со стальнымъ язычкомъ; прикладывается къ зубамъ, пальцемъ бьютъ по язычку, образуя звуки измѣнениемъ полости рта“ (Даль II, 739, 1-ое изд.).

одной рукой прикладывается къ полуоткрытыму рту, тогда какъ другая рука приводить въ движение тонкую пластинку, прикрепленную къ подобю арфы, ударяя по ея свободному концу. Такой же музыкальный инструментъ „дрымба“ я видѣлъ у чиганъ на югѣ Россіи.

Въ общемъ якуты и якутки некрасивы: выдающаяся скулы, приплюснутый сѣдистый носъ съ почти круглыми ноздрями, обращающіе на себя вниманіе косовато посаженные и широко разставленные глаза, часто низкій и некрасивый лобъ,—таково громадное большинство. Но есть и другой типъ—типъ якутской аристократіи, встрѣчающейся, главнымъ образомъ, между старинными богатыми фамиліями. Представители этого типа—богаты они или бѣдны въ настоящее время—гораздо интеллигентнѣе остальныхъ и не спускаются до положенія чьего-нибудь работника. Мужчины этого типа болѣе рослы, красивѣе сложены, болѣе сильны, цвѣтъ лица болѣе, но все-таки смуглый, носъ съ горбинкой и хотя не тонокъ, но и не приплюснутъ, да и ноздри не бросаются въ глаза,—лобъ широкій и высокій, глаза посажены ровно и не слишкомъ удалены другъ отъ друга, ротъ красивый, съ полными, чувственными губами, но волосы такие же, какъ и у остальныхъ—черные, прямые, матовые, болѣе напоминающіе шерсть, чѣмъ человѣческій волосъ. У этого типа мужчинъ несравненно чаще встрѣчаются усы и даже небольшая растительность на подбородкѣ, тогда какъ у большинства якутовъ на лицѣ яѣть никакой растительности. Если глядѣть en face, ничто не указываетъ вамъ на то, что передъ вами представитель низшей расы, въ профиль же вы сейчасъ замѣтите, что носъ, хотя и съ горбинкой, слишкомъ низокъ въ переносицѣ, что зависитъ отъ особаго положенія скуль,—но и только. Я видѣлъ лишь одну якутку, которая могла бы подойти къ этому типу, и вообще я чаще видѣлъ среди якутовъ красивыхъ мужчинъ, чѣмъ женщинъ, хотя и между женщинами попадаются изрѣдка очень красивыя. Впрочемъ, красивые глаза и даже съ „поволокой“ встрѣчаются довольно часто¹⁾.

¹⁾ О наружномъ видѣ якутовъ съ характеристикой обоихъ физическихъ типовъ: тюркскаго и монгольскаго, а также и промежуточныхъ формъ см. у Миддендорфа (Путеш. на сѣв. и вост. Сибири, ч. II, отд. VI, стр. 631 и 765), Маака (Вилойскій округъ, ч. III, стр. 82), особенно Н. Л. Геккера (Къ характеристикѣ физич. типа якутовъ, Ирк. 1896). Ср. также: Сѣрошевскій: Якуты т. I, гл. III: „Физическая особенности племени“.

ИЗЪ ЯКУТСКОЙ СТАРИНЫ.

(Старые писатели о якутахъ).

Врядъ ли кто изъ занимающихся нынѣ изслѣдованіемъ быта сѣверныхъ инородцевъ Сибири имѣеть подъ руками стариинное „Путешествіе въ Америку“ *Хвостова и Давыдова*,—врядъ ли кто изъ нихъ подозрѣваетъ, что въ I-ой части этого путешествія содержится довольно много интересныхъ свѣдѣній объ образѣ жизни якутовъ и, главное, о такихъ обычаяхъ, которые нынѣ уже среди якутовъ не встрѣчаются. Говорю *врядъ-ли* потому, что даже въ „Матеріалахъ для бібліографіи Якутской области“ (Ирк. 1893) покойнаго В. Л. Приклонскаго нигдѣ не значится названное „Путешествіе“. Это объясняется, конечно, тѣмъ, что почтенному бібліографу и въ голову не пришло искать свѣдѣній о якутахъ въ специальномъ сочиненіи, посвященномъ описанію путешествія въ Америку, куда, на самомъ дѣлѣ, путешественникиѣхали черезъ Сибирь: добравшись до Охотска сухимъ путемъ, они продолжали оттуда путь на судахъ Американской Компаниї. Знакомствомъ съ „Путешествіемъ“ *Хвостова и Давыдова* я обязанъ любезному указанію студента с.-петербургскаго университета С. И. Руденко, предоставившаго мнѣ для использованія и самую книгу—нынѣ бібліографическую рѣдкость (издана не ранѣе 1803 года; заглавный листъ даннаго экземпляра утерянъ).

На первый разъ привожу, съ сохраненіемъ стиля подлинника, извлеченіе изъ второй главы первой части „Путешествія“ (стр. 127—138), содержащее свѣдѣнія о томъ, что авторъ (Давыдовъ) „могъ самъ видѣть или съ достовѣрностью узнать о якутахъ“.

Эд. Пекарскій.

Якуты, какъ известно, происходятъ отъ татарскаго поколѣнія; сходство языка ихъ съ татарскимъ и многихъ обычаевъ можетъ послужить достаточнымъ тому доказательствомъ¹⁾). Я описалъ уже зимнія ихъ юрты²⁾; лѣтомъ же большая часть якутовъ живетъ тамъ,

¹⁾ Современные изслѣдователи склоняются къ тому мнѣнію, что якуты составляютъ монголо-туркское племя.

²⁾ Вотъ это описание, помещенное на стр. 43 главы 1-ой: „юрта строится четырехугольною изъ стоячихъ нѣсколько наклонныхъ деревьевъ, съ внутренней стороны обтесанныхъ; снаружи обкладывается землею, по большей же части навозомъ; крышка дѣлается ровною, а полу почти никогда не бываетъ. Въ серединѣ находится очагъ, съ выведенною вверхъ трубою изъ тонкихъ жердей, обмазанныхъ глиною, что и называется въ сихъ мѣстахъ *пуваломъ*. Въ немъ зимою всегда держать огонь, отъ чего юрта бываетъ тепла, суха и представляетъ большія для проѣзжихъ выгоды въ жестокомъ климатѣ, гдѣ огонь совершенно необходимъ. Сверхъ сего въ юртахъ не знаютъ угара, чemu подвержены большая часть изъ въ здѣшнихъ мѣстахъ“.

гдѣ сѣно запасаютъ. Всѣ сѣнокосы обыкновенно обгорожены. Князцы¹⁾, у которыхъ очень много рогатаго скота и лошадей, не всѣхъ ихъ кормятъ сѣномъ, но большую часть держать въ степяхъ, гдѣ онѣ, разгребая снѣгъ, кормятся оставшемся подъ онимъ травою; ибо невозможно запасти довольноаго количества сѣна, когда у нѣкоторыхъ князцовъ находится до тысячи и болѣе лошадей и рогатаго скота²⁾.

Многіе якуты носятъ длинныя, а всѣ женщины еще и того длиннѣйшія косы, привязанныя у самаго затылка³⁾. Якуты лѣтомъ одѣваются въ короткіе кафтаны китайчатые, суконные или плисовые, обложеніе вокругъ, въ три или четыре пальца шириною, чѣмъ-нибудь только особеннымъ отъ цвѣту кафтана. Сапоги шьются изъ бычачьихъ кожъ, съ мягкою подошвою, или изъ лошадиныхъ, называемыхъ *сарами*⁴⁾. Сары такъ плотно и крѣпко спиваются, что, по удобству для мокраго времени, большая часть жителей Якутска носятъ оные въ дорогахъ или даже и въ городѣ. Кожаные штаны, рукавицы и шапка довершаютъ одѣяніе якутовъ. Женщины въ лѣтнее время одѣваются точно такъ же, какъ и мужчины. Зимнее платье якутовъ дѣлается изъ теплыхъ фуфаекъ, штановъ, полушибуковъ и длинныхъ сапоговъ, которые носятъ шерстью вверхъ и называютъ *торбасами*⁵⁾; сверху же всего надѣваютъ въ дорогу *санаяхъ*⁶⁾, родъ тулула изъ оленыхъ кожъ, также шерстью вверхъ. Притомъ, во время большихъ морозовъ, закрываютъ (особо придѣланными изъ мышковъ лоскутками) лобъ, щеки, уши, носъ и бороду, такъ что только глаза остаются не закутанными; на колѣни же надѣваютъ, сверхъ торбасовъ, еще такъ называемые сутуры⁷⁾. То же дѣлаютъ и русскіе во время путешествій своихъ по пустынамъ восточной Сибири, гдѣ морозы неимовѣрно жестоки. Якутки носятъ зимою *парки*, опущенные лисицею или соболемъ. Парка шьется изъ оленыхъ кожъ и имѣть образъ длинной рубашки, къ которой по большей части придѣзываютъ стоячій воротникъ. Зимнія платья богатыхъ якутовъ, особенно шапки, бываютъ дороги.

Якуты очень добронравны, гостепріимчивы, вообще чрезвычайно трусливы, лѣнивы, когда могутъ быть такими, обжорливы до чрезмѣрности и столько же воздержны, когда нужда или бѣдность ихъ до того доводить. Многіе якуты большую часть времени питаются

1) Наслѣжные (сельскіе) старости.

2) Въ настоящее время такие богатые скотоводы въ Якутской области уже не встрѣчаются.

3) Обычай, совершенно исчезнувшій у якутовъ-мужчинъ; женщины хотя и заплетаютъ свои волосы въ косы или собираютъ въ пучокъ, но затѣмъ укрѣпляютъ ихъ на затылкѣ; только у дѣвочекъ волосы, собранные въ одинъ или два пучка, свободно свѣшиваются на плечи, оканчиваясь разными металлическими подвесками и разноцвѣтными ленточками или лоскутками матерій. Сомнительно, чтобы и въ старину якуты привязывали косы, — вѣрнѣе видѣть въ словахъ автора неудачный способъ выраженія.

4) По-якутски: сары.

5) По-якутски: тыс атэрбѣс, т.-е. обувь изъ камысовъ (шкурокъ съ оленыхъ или лошадиныхъ ногъ).

6) По-якутски: саныахъ, саынахъ.

7) По-якутски: сутуро.

умданомъ¹⁾ и сорою²⁾, родъ кисловатаго масла³⁾; но сіи же самые люди могутъ съѣсть невѣроятно много. Миѣ сказывалъ весьма достовѣрный человѣкъ, что самъ видѣлъ, какъ четыре якута съѣли въ два дня прежирную лошадь. Обжорство ихъ principio, что они не бросаютъ, какъ и говорилъ⁴⁾, мертвыхъ лошадей и всякую падалину. Мясо сырое, жареное или вареное—все почти равно для нихъ. Они съѣдаютъ и саму кожу съ быка, бросивъ только ону въ горячую золу, дабы шерсть обгорѣла, и все то дѣлаютъ ни мало не отъ голоду. Якуты любятъ кротовъ⁵⁾, но всего болѣе свиное сало котораго иной можетъ съѣсть до пуда. Обжорство у нихъ даже въ чести; они съ уваженiemъ говорятъ про обжору: Утіо Асатчи Хиси⁶⁾ то-есть добрый Ѣдокъ; падъ тѣми же, кои мало Ѣдятъ, смѣются, говоря: что ты за человѣкъ!

Но, дабы дать большее понятіе объ обжорствѣ якутовъ, я опишу всѣ ихъ обряды, бывающіе на свадебныхъ праздникахъ.

Когда кто у нихъ сватается, то уговаривается напередъ заплатить отцу невѣсты колымъ⁷⁾, состоящій изъ нѣсколькихъ быковъ и лошадей, половина которыхъ отдается обратно жениху въ приданое за невѣстою. Свадьба и пиръ бываютъ въ домѣ тестя, но на счетъ жениха; праздникъ сей обыкновенно продолжается два дня и на оный собираются родные съ обѣихъ сторонъ и пріятели. Бога-

¹⁾ По-якутски: ымдан или умдан — кислое молоко (суорат), разбавленное водою. „Питье сіе довольно хорошо, особенно въ жаркое время”—говорить авторъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 60).

²⁾ По-якутски: суорат—кислое молоко, варенецъ.

³⁾ Несомнѣнная опечатка вмѣсто: молока.

⁴⁾ Вотъ что читаемъ у автора на стр. 112 — 115: „Мы остановились не далѣе трехъ верстъ отъ той рѣчки, гдѣ лошади наши утонули, почему некрещеные якуты, взявъ котель, отправились назадъ, дабы поѣсть досыта лошадинаго мяса. Извѣстно, что якуты великие обжоры, и жирная лошадь самый лакомый для нихъ кусокъ; но крещеные показываютъ при русскихъ, что не употребляютъ сего кушанья, хотя въ улусахъ живутъ точно такъ же, какъ и всѣ другіе. Якуты Ѣдятъ не токмо тѣхъ лошадей, коихъ нарочно убиваютъ, но и колющіхъ, даже иногда отъ заразы, отъ чего послѣ и сами умираютъ. Въ третьемъ [1800] году Алданскіе якуты поѣхали на сѣнокость, въ которое время они обыкновенно пирутъ, то-есть Ѣдятъ сколько могутъ. У сихъ была жирная лошадь. Она вдругъ упала; якуты подбѣжали посмотретьъ и нашли ее, къ удивленію своему, мертвою. По обыкновенному сибирю, вздумали, что дьяволъ убилъ ее, чтѣ, однако, не помѣшало имъ отѣдать мертвечины. Спустя нѣсколько часовъ показалась у всѣхъ на тѣлѣ опухоль, а потомъ и раны. Чрезъ двое или трое сутокъ многие померли, а у иныхъ мѣста, гдѣ были раны, совсѣмъ выгнили. То же самое случилось и въ то же время на Амгѣ и Аллахѣ Юнѣ, гдѣ былъ падежъ на лошадей, которыхъ якуты не переставали до того времени Ѣсть, покуда сами многіе перемерли. Тогда прибѣгли они къ своимъ шаманамъ; сіи упрашивали дьяволъ, чтобы не умерщвляли болѣе лошадей, но зараза отъ того не менѣе продолжалась до самой осени. Между рогатымъ скотомъ и лошадьми оная также открывалась опухолью, претворявшуюся потомъ въ раны, и столь была сильна, что естьли кто до опухоли дотрогивался рукою, то на ей дѣлались прыщи, а послѣ раны. Сей случай выучилъ якутовъ, и нынѣ они не Ѣдятъ уже падающихъ лошадей хотя і на Аллахѣ Юнѣ зараза и многоныхъ „переморила“.

⁵⁾ Кротами называють мѣстные русскіе водяныхъ крысы; нынѣ въ пищу они не употребляются.

⁶⁾ ўтюо асатчи кісі—букв.: добрый Ѣдящій человѣкъ.

⁷⁾ По-якутски: халы или сулу.

тый потчиваеть гостей виномъ, но кто бѣднѣе—кумысомъ. Послѣ сего съѣдають нѣсколько лошадей или быковъ, а иногда множество кротовъ, почитаемыхъ за лакомое блюдо; пьютъ опять вино или кумысъ и принимаются расхлебывать сало. Къ празднику собираютъ оное всякаго рода, мѣшаютъ вмѣстѣ и кладутъ въ чанъ. Когда придетъ *курумъ* (праздничный обѣдъ или свадебный столъ), то растапливаютъ все сало и садятся вокругъ чана. Пребольшая ложка, или, лучше сказать, уоловникъ, называемый *хамыякъ*¹⁾, ходить по очреди до того времени, какъ кто откажется. Сыскиваются такие охотники, которые выпиваютъ по 120 хамыаковъ растопленного сала, и надобно припомнить, что сіе бываетъ уже въ концѣ стола, послѣ жирнаго обѣда, на коемъ, конечно, ни одинъ якутъ не побережетъ своего желудка.

Кумысъ дѣлается изъ кобыльяго молока, которое мѣшаютъ пополамъ съ водою, наливаютъ въ кожаный мѣшокъ и оставляютъ повѣшаннымъ въ юртѣ до того времени, какъ оное скиснется. Тогда берутъ мутовку, сдѣланную изъ выдолбленнаго на подобіе чашки дерева, съ просверленными въ онай четырьмя или пятью скважинами и съ палкою, вставленною въ дно ея. Сею мутовкою сбиваютъ скисшееся молоко до того, какъ на дно садеть родъ творога; оставшаяся же жидкость называется кумысъ²⁾, подобный крѣпостю пиву.

При свадѣбѣ якутовъ нѣть никакихъ обрядовъ. Естьли колымъ весь заплаченъ, то молодая въ провожаніи многихъ женщинъ идетъ въ мужнинъ домъ; въ противномъ же случаѣ остается у отца, а мужъ въ свой уходитъ. Всякій разъ, какъ онъ пригоняетъ часть колыму, остается нѣсколько сутокъ съ женою, а при возвращеніи получаетъ половину паздѣ. Тесть никогда не даетъ дочери безъ выплаченія всего колыма, хотя бы то нѣсколько лѣтъ продолжилось; по заплатѣ же онаго, жена, какъ выше сказано, идетъ въ мужнинъ домъ въ провожаніи многихъ женщинъ, и тогда опять бываетъ двухдневный праздникъ. Колымъ простирается иногда до восьмидесяти скотинъ.

Многіе изъ якутовъ празднують и рожденіе сына или дочери точно такимъ же образомъ.

Якуты, особенно бѣдные, очень неопрятны; зимою въ юртахъ своихъ держать рогатый скотъ, а посему можно судить о запахѣ въ домахъ ихъ. Лѣтомъ дѣлаютъ они ступы изъ коровьяго кала, а зимою, обливъ внутренность оныхъ водою и давъ ей замерзнуть, толкнуть въ таковой посудѣ сосновую кору, употребляемую ими въ пищу.

Народъ сей и поднесъ еще сохранилъ нѣкоторые свои странные обычай, напримѣръ: якутъ, бывшій въ отлучкѣ, входя въ юрту свою, ни съ кѣмъ не здоровается, но садится какъ будто вѣднакомый; жена сваритъ ему ёсть и потчиваеть какъ гостя, а пойвшіи ужѣ хорошенько—онъ дѣлается хозяиномъ дома.

Деверь, въ присутствіи невѣстки, непремѣнно долженъ быть въ шапкѣ; иначе ее и себя обезчестить. Естьли опѣ сидѣль въ юртѣ безъ шапки, то надѣваетъ ону, когда невѣстка входитъ³⁾.

¹⁾ По-якутски: хамыах.

²⁾ По-якутски: кымысъ.

³⁾ Нынѣ якуты уже не придерживаются указанныхъ „странныхъ обычавъ“.

Якуты върятъ колдунамъ своимъ или шаманамъ, которые отправляютъ скрытымъ образомъ суевѣрные обряды, ибо священники, узнавъ о томъ, представляютъ колдуновъ сихъ къ суду. Якуты, однако, и нынѣ върятъ имъ и боятся ихъ. Иногда шаманъ, чрезъ годъ или вѣкоторое время по смерти какого-нибудь якута, приносить въ домъ его наряженную статую и сказываетъ, что это покойникъ, требующий корову или звѣриныхъ мѣховъ или тому подобное, который перейстъ всѣхъ въ случаѣ отказа. Трусливые люди си даютъ все требуемое, что шаманъ и уносить вмѣстѣ съ статуею. Якуты рассказываютъ чудеса про колдуновъ своихъ и, между прочими, про нѣкоего *Качиката*, что онъ будто прокрикаль насквозь себя нѣсколько ножей; отнималъ у людей руки и вѣшалъ оныя на деревья, ни мало не причиняя тѣмъ боли; что когда въ дорогѣ случался недостатокъ въ пищѣ, то онъ спрашивалъ товарищѣй, хотятъ ли они что-нибудь пойти? и тогда, прокричавъ нѣкоторыя слова, растворялъ руки, въ которыхъ обыкновенно падалъ какой-нибудь лакомый кусокъ, напримѣръ часть жирной кобылы или *симири* съ масломъ. (*Симиремъ* называютъ кожаный мѣшокъ, въ которомъ по дорогѣ возятъ *унданъ* и сбивающееся само собою масло или, по-якутски, *хаякъ*¹). Коровье же или топленое масло называется ары). Сей же Качикатъ предузнавалъ, сказываютъ, всегда за два или за три дня, что съ нимъ случится; увѣряютъ еще, будто онъ сдѣлалъ деревянную кукушку, поставилъ ее на дерево, и она три года куковала, то-есть до того времени, какъ русскіе сожгли ее и съ деревомъ; что, по смерти *Качиката*, якуты возлѣ могилы его вырыли яму, положили въ нее шаманское платье, которое три года по вечерамъ звенѣло. Словомъ, сей *Качикатъ* столько надѣлалъ чудесъ, что якуты боялись его болѣе *Боэнай*²); да должно сказать, что многіе и изъ русскихъ не менѣе якутовъ тому вѣрятъ.

Когда у князца ихъ состарѣется любимая лошадь, то онъ отпускаетъ ее на волю; но естьли она и послѣ того проживеть еще столько, что начнетъ зубы ронять, то князецъ убиваетъ ее, собираетъ родныхъ своихъ и сѣѣдаетъ съ ними ту лошадь. Обыкновенѣе же случается, что для пиршества князецъ заколетъ другую скотину, а любимую лошадь свою похоронить, положа, въ вырытую близъ того мѣста яму, всю принадлежавшую къ ней сбрую³), какъ то: сѣдло, узду, переметныя сумы, лукъ со стрѣлами и пальму. Переметныя сумы бываютъ почти у всякаго въ дорогѣ; онъ перекидываются чрезъ сѣдло и висятъ такимъ образомъ, что не мѣшаютъ ни мало сѣдоку. Пальмою называется ножъ болѣе поваренного, вставленный въ деревянный черенъ длиною около аршина. Пальму возятъ обыкновенно для рубки дровъ.

Когда якуты увидятъ на дорогѣ медвѣдя, то снимаютъ шляпы, кланиются ему, величаютъ *Тойдномъ*⁴), старикомъ, дѣдушкою, и дру-

¹) Якутское сырое масло, смѣшанное съ водою и прѣснымъ или кислымъ молокомъ.

²) *Бајанаі* — лѣсной духъ, покровитель охотниковъ и звѣролововъ. На стр. 59 авторъ замѣчаетъ, что „якуты своего Бога называютъ *Боенай*, а русскаго Танара“, т. е. *Тангара*.

³) Несоблюдаемый нынѣ обычай.

⁴) *Тойднъ* значить начальникъ.

гими ласковыми именами. Просять препокорно, чтобы онъ ихъ пропустилъ; что они не думаютъ трогать его и даже слова худого про него никогда не говорили. Естьли медвѣдь, не убѣдившись сими просьбами, бросится на лошадей, то будто поневолѣ начинаютъ стрѣлять по немъ и, убивъ, сѣдаютъ всего съ великимъ торжествомъ. Между тѣмъ дѣлаютъ статуйку, изображающую Бозная, и кланяются оной. Старшій якутъ становится за деревомъ и кривляется. Когда мясо сварится, то Ѵдятъ оное каркай какъ вороны и приговариваю: *не мы тебя пьдимъ, но тунгусы или русскie: они и порохъ дѣлали, и ружъя продаютъ; а ты самъ знаешь, что мы ничего тоо дѣлать не умѣемъ.* Во все время разговариваютъ по-русски или по-тунгуски и ни одного сустава не ломаютъ. Когда же сѣдятъ медвѣдя, то собираютъ кости, завертываютъ вмѣстѣ съ статуею Бозная въ березовую кору или во что иное, вѣшаютъ на дерево и говорятъ: *дѣдушка! русскie (или тунгусы) тебя сѣди, а мы нашли и косточки твои прибрали.* Изъ сего обряда можно заключить, сколько якуты опасаются мщенія медвѣдей или духа оныхъ, даже и по истребленіи.

Нѣкоторые якуты еще и нынѣ, сваривъ въ дорогѣ кушанье, поднимаютъ оное на рукахъ, говорять рѣчъ¹⁾ къ духу того мѣста, ставятъ потомъ кушанье, каждый плещетъ первую ложку въ огонь, а потомъ начинаютъ Ѵсть. Якуты всякому мѣсту полагаютъ хозяина²⁾, который не Богъ и не дьяволъ, но особый духъ.

О ки
скаго ха
(И. Р. П
редензії
даваться

Этног
симовъ, А.
и родстве
Статья

объ особы
многихъ в
и наоборот
обычая ве
до сихъ по
вначалѣ д
поучительн
Со врем
ученыхъ, с
писалось, и
народовъ не
этому обыч
чаются въ т
ихъ теоріи

стоить въ т
супруговъ и
шаго ему об
томъ. Въ это
свой проблемы
также спокой
тишала съни

¹⁾ По-якутски: алгыс—славословіе, заклинаніе. Теперь произнесеніе алгыс-овъ въ пути не наблюдается, но до сихъ поръ сохранился уломанный авторомъ на стр. 59 обычай приносить духу даннаго мѣста жертву (*baläx=подарокъ*) „за то, что допустилъ благополучно подняться на гору. То же самое дѣлаютъ якуты при всякомъ трудномъ и крутомъ подъемѣ, отъ чего лошадь, сходившая нѣсколько разъ въ Охотскъ, остается почти безъ гривы и хвоста“.

²⁾ іччи, ітчи=хозяинъ.